

Глава 1

20 июня

Стоящий едва ли не на краю отвесного обрыва дом находился в опасности. Ночной шторм обрушил на осыпавшийся берег стены воды, которые, схлынув, оставили после себя бутылки, морские водоросли и спинные щиты мечехвостов¹. Дому, в котором я прожил всю свою жизнь, вряд ли суждено пережить осенний сезон штормов. Берега пролива Лонг-Айленд усеяны руинами домов и прочими напоминаниями о прежней жизни. Все это постепенно поглощается жадным, вечно голодным песком.

8

Никаких дамб, защищающих берег от разрушения. Никаких террас на склонах. Безучастность отца оставила мне в наследство неразрешимую проблему, неподъемную для кармана библиотекаря из Напаусета. Впрочем, библиотекари славятся своей изворотливостью.

Я подошел к деревянной лестнице, которая спускалась по крутому склону к песчаному пляжу. В этом году я запустил мозоли на ногах, и было больно ступать босыми ногами по голым камням. На северном берегу мало что столь же важно, как здоровые ноги. Я и моя сестра Энола прежде летом имели обыкновение бегать босиком до тех пор, пока асфальт тротуара не раскалялся до такой степени, что ступни оставляли на нем свои отпечатки. Чужаки не в состоянии гулять по нашему побережью.

У подножия лестницы я заметил Фрэнка Мак-Эвоя, он помахал мне рукой, а затем перевел взгляд на крутой берег, на котором стоит мой дом. У него есть ялик. Кра-

¹ Мечехвосты — морские членистоногие, получившие свое название за длинный шип, расположенный в задней части туловища. (Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.)

сивая лодка кажется вырезанной из цельного куска дерева. Фрэнк — шлюпочный мастер и просто хороший человек, он дружил с нашей семьей еще до моего рождения. Когда он улыбается, его веснушчатое лицо покрывается глубокими морщинами, что свойственно ирландцам, долгие годы подставляющим лица всем ветрам, штормам и летнему зною. Кустистые брови старика касаются поля старой-престарой рыбацкой парусиновой шляпы, с которой он никогда не расстается. Если бы мой отец дожил до шестидесяти лет, он, пожалуй, выглядел бы как Фрэнк, — желтые зубы и старческие пятна на щеках.

При виде Фрэнка я вспомнил, как, будучи еще маленьким, лазил среди дров, желая развести костер, а его сильная, большая рука вовремя выхватила меня из-под бревна, которое грозило вот-вот упасть на меня. Вид старика оживил в моей памяти образ отца, стоящего над барбекюшницей и готовящего из кукурузы попкорн. В воздухе витали запахи горелой шелухи и кукурузных початков. Папа делал попкорн, а Фрэнк потчевал его рыбацкими байками. Он врал не краснея и даже не пытался придать правдоподобия своим рассказам. Моя мама и его жена то и дело поднимали Фрэнка на смех, и женский хохот пугал морских чаек. Двух человек уже не было с нами. Глядя на Фрэнка, я видел родителей. Пожалуй, глядя на меня, он вспоминал своих друзей, так рано ушедших из жизни.

— Кажись, шторм крепко тебя потрепал, Саймон, — обратился ко мне старик.

— Да уж... Я потерял с пяток футов берега, — отозвался я.

Пять футов было явным преуменьшением.

— Я говорил твоему отцу, что нужно посадить на защитной дамбе деревья.

Дом Мак-Эвоев располагался в нескольких сотнях ярдов восточнее моего и куда дальше от воды, к тому же

9

его защищали рукотворные, обсаженные деревьями и кустарником террасы. Если ад в виде высокой воды все же доберется до его собственности, эти предосторожности наверняка спасут дом.

— Папа никогда не прислушивался к чьим-либо советам.

— Это уж точно. Даже если сейчас подлатать твою дамбу, насыпать побольше земли, это избавит тебя от множества проблем в дальнейшем.

— Вы же помните, каким он был...

Молчание... Сожаление.

Фрэнк со свистом втянул в себя воздух.

— Наверняка он думал, что впереди еще достаточно времени, чтобы все это уладить.

— Пожалуй, так оно и было, — согласился я.

Кто знает, что было на уме у моего отца?

— В последние годы вода поднимается все выше и выше, — продолжил старик.

— Вижу. Дальше так продолжаться не может. Если у вас есть на примете надежный строительный подрядчик, я буду рад узнать его имя.

— Вот и чудненько! — почесав затылок, сказал Фрэнк. — Я кого-нибудь направлю к тебе. Не хочу вводить тебя в заблуждение: дешево не получится.

— Ничего другого, как я полагаю, не остается.

— Думаю, что нет.

— Возможно, мне придется продать дом.

— Мне бы этого не хотелось, — нахмурившись, произнес Фрэнк и стянул с головы свою шляпу.

— Если даже дом развалится, земля кое-чего все же стоит.

— Надо все хорошенько обдумать.

Фрэнк прекрасно понимал, насколько затруднительно мое финансовое положение. Его дочь Алиса работала вместе со мной в библиотеке. Рыжеволосая

10

и симпатичная, она унаследовала от отца дружелюбную улыбку, а еще умела ладить с детьми. Вследствие врожденной общительности Алисе поручали вести различные обучающие программы для детей, а меня оставляли в хранилище работать с каталогом. Впрочем, сегодня мы встретились не для того, чтобы обсуждать плачевное состояние моего дома либо болтать об Алисе. Сегодня нам предстояло сделать то, что мы с Фрэнком делали уже на протяжении доброго десятилетия, а именно расставляли буйки, ограждая ими безопасное для плавания место. Сильный шторм вынес все буйки с якорями на берег, и теперь на песке грудились кучи обросших ракушками ржавых цепей и оранжевых канатов. Ничего удивительного, что море постепенно крадет у меня землю.

— Начнем? — предложил я.

— Пожалуй... Время не ждет.

Сняв рубашку, я перекинул цепи и канаты через плечо и начал медленно заходить в воду.

— Тебе точно не нужна моя помощь? — спросил Фрэнк.

Старик толкнул лежащий на песке ялик в воду.

— Нет, спасибо. Я и сам справлюсь.

Я вполне управился бы и сам, но с Фрэнком делать это надежнее. Если уж говорить начистоту, то старик пришел не ради меня. Он пришел на берег моря с той же целью, с какой я каждый год совершаю этот ритуал в память о моей матери Паулине, утонувшей в этом месте.

Как для июня вода в проливе довольно прохладная. Но я не остановился до тех пор, пока ступни не коснулись покрытых водорослями камней. Якорные цепи замедляли мое продвижение, но Фрэнк, работая веслами, не сбавлял темпа. Я шел, пока вода не достигла моей груди, потом шеи. Перед погружением я сначала выдохнул, а затем набрал полные легкие воздуха так, как учила

меня мама теплым утром в конце июля, и так, как я учил мою сестру.

Хитрость заключается в том, что человек, испытывающий жажду, может дольше задерживать дыхание.

— Всплываешь и делаешь резкий вдох, — говорила мама.

Ее мягкий голос шелестел у меня в ушах. На мелководье ее густые темные волосы струились вокруг нас, подобно водорослям. Тогда мне было пять лет. Мама давила рукой мне на живот до тех пор, пока начинало казаться, что пуп вот-вот коснется хребта. Она с силой давила рукой. Я чувствовал на коже ее длинные острые ногти.

— А теперь сильнее! Сильнее! Сильнее! Расширай свою грудную клетку. Расширяй свое сознание.

Мама набрала в легкие воздуха, и ее грудная клетка расширилась; тонкие, словно птичьи, ребра разошлись в стороны, а живот стал походить на донышко бочонка. Ее купальник светился белым светом в воде. Я жмурился, когда на него смотрел.

Шлеп, шлеп, шлеп...

— Ты вдохнул, Саймон. Если ты вдохнешь в воде, то утонешь. Когда ты вдыхаешь грудью, объем твоего живота уменьшается.

Нежное прикосновение. Легкая улыбка. Мама сказала, что я должен представить, будто умираю от жажды, что я пустой и полностью высушенный изнутри, а затем надо жадно, захлебываясь, пить воздух. Расправить свою грудную клетку и пить воздух полной грудью.

Когда мой живот стал напоминать барабан, мама прошептала:

— Замечательно... *Замечательно...* А теперь мы погружаемся.

Сейчас я погрузился в воду с головой. Мягкие лучи света проникали сквозь водную толщу. Рядом нависла

12

тень ялика Фрэнка. Временами я слышал, как мама плывет где-то поблизости. Временами я замечал, как ее темные волосы мелькают среди бурого полога морских водорослей.

Мое дыхание превратилось в легкий туман, оседающий у меня на коже.

В прошлом Паулина, моя мама, выступала в цирке и на карнавалах. Она предсказывала судьбу, помогала фокуснику, а когда представляла в образе русалки, надолго задерживала дыхание под водой. Она научила меня плавать, как рыба. Она вызывала у отца счастливую улыбку. Она часто надолго пропадала. Она то бросала работу, то работала в двух-трех местах одновременно. Она останавливалась в гостиницах лишь для того, чтобы переменить обстановку. Мой отец Даниэль работал у станка на заводе и был верным, преданным мужем. Он улыбаясь ждал ее возвращения дома, ждал, когда Паулина назовет его *мой дорогой*.

Мой дорогой Саймон. И меня мама так называла.

Мне было семь лет, когда мама в последний раз вошла в воду. Я старался забыть тот роковой день, но он навечно отпечатался в моей памяти. Она ушла утром, накормив нас завтраком. Скорлупу сваренных вкрутую яиц разбивали о краешек тарелки, а затем счищали ногтями и бросали рядом на стол. Я разбил и очистил яйцо для сестры, потом разрезал его на дольки — как раз такие, чтобы их могли удержать крошечные пальчики малышки. Сухарики и апельсиновый сок дополняли завтрак. В эти ранние утренние часы тени кажутся темнее, лица — светлее, а все пустоты становятся угловатыми, более резко выделяются. Паулина в то утро казалась еще более красивой, чем всегда, похожей на грациозную лебедушку. Папа уехал работать на завод. Мама осталась одна с нами, детьми. Она смотрела, как я разрезаю яйцо для Энолы, и одобрительно кивала.

— Ты хороший брат, Саймон. Приглядывай за Энолой. Она попытается от тебя убежать, но ты не позволяй ей этого. Обещаешь?

— Обещаю.

— Ты ведь хороший мальчик. Я не ожидала, что так все обернется. Я вообще на тебя не рассчитывала.

Маятник на часах с кукушкой качался из стороны в сторону. Мама стукнула каблук по линолеуму, призывая к тишине. Энола сидела вся в хлебных крошках и маленьких кусочках яйца. Я безуспешно пытался есть, одновременно следя за тем, чтобы сестра не сильно измазалась.

По прошествии некоторого времени мама поднялась на ноги и одернула спереди подол своей желтой летней юбки.

— Увидимся позже, Саймон! Пока, Энола!

Мама поцеловала дочь в щеку и прижалась губами к моей макушке. Еще раз помахав рукой на прощание, она улыбнулась и ушла. Я думал, что мама поедет на работу. Откуда мне было знать, что она прощалась с нами навсегда? Тяжелые мысли иногда сокрыты в ничего не значащих словах. В то утро, глядя на меня, мама поняла, что я позабочусь об Эноле. Она знала, что мы за ней не увяжемся. Время было выбрано удачно.

Вскоре после этого, когда мы с Алисой Мак-Эвой гоняли игрушечные машины по расстеленному на полу гостиной ковру, мама утонула в водах пролива.

Пригнувшись, я оттолкнулся пальцами ног ото дна, ощущая сопротивление воды грудью, и, преодолев еще пару ярдов, сбросил якорь. Тот упал на дно с приглушенным звоном. Я посмотрел вверх на тень ялика. Фрэнк оставался настороже. Весла били по поверхности воды. Как это бывает, когда вдыхаешь воду? Я представил себе искаженное агонией лицо матери, но продолжал идти до тех пор, пока не установил второй якорь.

14

Выпустив воздух из легких, я направился к берегу, стараясь оставаться на дне как можно дольше. В детстве мы часто играли с Энолой в эту игру. Я пускался вплавь, только когда становилось трудно удерживать равновесие... А потом мои руки задвигались, разрезая воду, словно одна из лодок, изготовленных Фрэнком. Когда глубина едва превышала мой рост, я коснулся рукой дна ялика, но сделал это не ради себя, а ради Фрэнка.

— Медленнее, Саймон, — говаривала мне мама. — Держи глаза широко раскрытыми, даже если их жжет. Когда выходишь из воды, жжение усиливается, но ты все равно не закрывай глаз, не моргай.

Соль жгла, но мама никогда не моргала, даже в воде, даже когда ветер хлестал глаза после всплытия. В воде она превращалась в движущуюся статую.

— Не дыши даже тогда, когда твой нос окажется над поверхностью воды. Поспешишь — наберешь полный рот соли. Жди, — говорила она, словно взвешивая каждое произнесенное слово. — Подожди до тех пор, пока твой рот не окажется над поверхностью, но дыши только через нос, а то окружающие решат, что ты очень устал. После этого улыбнись.

У мамы был маленький рот, тонкие губы, но улыбалась она так широко, как разливаются воды.

Мама показала мне, как правильно кланяться: руки высоко, грудь выпячена, и ты сгибаешься, словно журавль, собирающийся взлететь.

— Толпа любит очень низкорослых и очень высоких людей. Не кланяйся, сгибаясь в талии, словно актер. Из-за этого людям будет казаться, что ты не так уж высок. Пусть лучше думают, что ты выше, чем есть на самом деле. — Она улыбнулась, обнимая меня обеими руками. — Ты вырастешь высоким, очень высоким, Саймон.

Скупой кивок невидимой публике.

— Будь грациозен, всегда будь...

